

ПРОЗА
МАШИ
ТРАУБ

**Читайте книги в серии
«Проза Маши Трауб»**

•

Любовная аритмия
О чем говорят младенцы
Я никому ничего не должна
Вся la vie
Семейная кухня
Ласточ...ка
Замочная скважина
Не вся la vie
Пьяная стерлядь
Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба
Дневник мамы первоклассника
Падшая женщина
Домик на юге
Осторожно – дети! Инструкция по
применению
Собирайся, мы уезжаем
Соня и Александра
Плюс один стул
Счастливая семья
Терпкий вкус тутовника
Истории моей мамы
Наша девочка
Плохая мать
Шушана, Жужуна и другие родственники
Чужой ребенок
Уважаемые отдыхающие!
Второй раз в первый класс
Всегда кто-то платит
Моя бабушка – Лермонтов
Продается дом с дедушкой

МАША
ТРАУБ
Вторая жизнь

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Художественное оформление серии
С. Груздева

В оформлении обложки использована
иллюстрация *М. Дорошенко*

Трауб, Маша.

Т65 Вторая жизнь / Маша Трауб. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Проза Маши Трауб).

ISBN 978-5-04-097174-9

Мужчина в возрасте около пятидесяти гордо катит по дорожкам парка коляску. Он молодой отец. Рядом идет молодая жена. Она улыбается, кивает, соглашаясь с каждым словом мужа. Вторая молодость или вторая жизнь? А что осталось в первой? Бывшая жена, дочь или сын-подросток. Имеют ли они право на вторую жизнь?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Трауб М., 2018

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097174-9

— Знаешь, что было самым страшным? — Лиза уставилась в чашку с чаем. — Когда я увидела его фотографию с сыном. Он держит его на руках и улыбается. Мальчик, кстати, симпатичный. Совсем на Рому не похож. Так ведь бывает, да? Когда девочки на пап похожи, а мальчики на мам. Это странно. А бывают дети, которые сразу сами на себя похожи? Правда? — Лиза продолжала наблюдать за танцем чаинок в чашке.

Смотреть на нее было страшно — худая до измождения, с торчащими ключицами, высохшая, с невнятным цветом волос. Лиза не могла унять руки: вытаскивала салфетку из салфетницы — рассыпала всю стопку, пыталась аккуратно сложить — запихивала одной кучей, снова бралась за ложку и мешала чай, давно остывший. Несколько капель попали на руку, Лиза снова потянулась к салфетнице, опрокинула, салфетки слетели на пол.

— Понимаешь, у него есть вторая жизнь. Первая закончилась и началась вторая — все за-

Маша Трауб

ново. Жена, дом, ребенок. Так легко у него все получилось. Стер и написал заново. У него все, абсолютно все начнется сначала. Теперь уже точно. Все новое, свежее, как после капитального ремонта. Он все сломал, все содрал, ничего не пожалел. Я все время об этом думаю. Думаю и думаю. Каждый вечер. А что у меня? Ничего. Он содрал меня, как обои, и выбросил на помойку. Понимаешь? Меня, мой дом, мою жизнь... — Лиза, продолжая говорить, собрала салфетки с пола и попыталась запихнуть их обратно в салфетницу. — Почему у него есть другой ребенок, а у меня нет? Почему он живет и улыбается? Разве это справедливо? Он опять пошел в загс, купил кольцо. Жена его занавески вешала и спрашивала, нравится ему или нет. А он ей рассказывал, что любит мясо в духовке и терпеть не может вареную морковь в супе. Как ты думаешь, он ей это говорил? Или все так же — сидит над тарелкой, вылавливает кусочки морковки и выкладывает по ободку тарелки? Меня трясоти начинало, когда он так делал! А его новая жена, наверное, находит это по-детски милым. Или вообще перестала класть в суп морковь. А я не перестала. Я не понимаю, как можно суп без моркови варить. Он снова купил коляску, кровать, бегает за памперсами. Потом будет учить сына кататься на самокате и велосипеде. И поведет его

Вторая жизнь

в первый класс. Как ты думаешь, поведет? Дашку не водил. У него совещание было. И самокат я Дашке сама купила. Почему мне так больно? Ведь я не первая, кто развелся. И не последняя. Остальные же как-то живут. Почему я не могу? Все время думаю: почему я не могу просто жить дальше? А как ты думаешь, он мне изменял? Конечно, изменял. А я не видела, не чувствовала. Мне и в голову не приходило его проверить. Он ведь очень быстро после развода женился. Получается, планировал, обещал любовнице, что разведется. Просил подождать, потерпеть. Я ничего не замечала. Ничего. Это так больно... Ушел к молодой, которая ему в рот заглядывает, быт с молодым задором устраивает, рожает чуть ли не бегом. И ему все это нравится. Знаешь, чему я позавидовала? Коляске. Коляска просто отличная, красивая. Когда Дашка родилась, таких не было. Сейчас коляски красивые. Я еще подумала, что колеса удобные — большие. Но в парке уже дорожки асфальтовые. Раньше мы грязь месили, а сейчас все чистят. Мостик деревянный, по которому мы ручей переходили, снесли, заасфальтировали. Я тоже хочу такую коляску! Понимаешь? И куртку, в которой можно ребенка носить, как бы двойную: мама в куртке, а для ребенка специальное отделение. Я тоже хочу в такой куртке ходить! Почему ему все, а мне ничего? Даже

Маша Трауб

друзья с ним остались, которые считались вроде как нашими общими. Те, которые ко мне приходили, в мой дом. Ты помнишь, какой у меня был дом? Почему они его выбрали, а не меня? Почему все за него рады? Я не рада. Совсем не рада. Я не желаю ему счастья. Я хочу, чтобы у него все было плохо. Ведь я имею на это право!

Лиза решила подлить себе чаю из чайничка, но не удержала, рука дрогнула, все пролилось. Она с облегчением схватила пачку салфеток и начала выкладывать их на столе. Салфетки тут же намокали, и Лиза выкладывала второй слой.

— Он счастлив. Понимаешь? И его жена счастлива. И их сын тоже счастлив. Я говорила, что мальчик симпатичный? Даже странно — мальчик мне понравился. Глазки такие смысленные. И от Ромы мало, почти ничего. Это нормально? Разве должны нравиться чужие дети? Его дети? Он ведь может родить еще. То есть его жена может ему родить. Хоть троих. Она молодая. Понимаешь? Молодая. Ты знаешь, как это обидно? Он молодой папаша, жена у него — девчонка круглолицая, без единой морщинки, а я старая. Я уже не могу родить. Я могу только заболеть. Умереть еще могу. Разве это справедливо? Он может держать на руках маленького ребенка, сына, дочку, не важно. А я кого могу взять на руки? Только внука или внучку. Он па-

Вторая жизнь

паша, а я бабушка? Это нормально? Ты знаешь, я много раз думала, что не выдержу. Что сердце не выдержит. Я не хотела дышать. Не могла себя заставить. Думала, что если приступ не пройдет, то и хорошо. Хватит. Я ведь даже Дашке не нужна. Мне все время больно. Все тело выкручивает.

— Я понимаю, — прошептала Полина впервые за все то время, что они сидели в кафе и Лиза вела нескончаемый монолог и боролась с салфетками.

— Ты не понимаешь! — закричала Лиза так, что обернулись официанты и остальные посетители. — Ты не можешь понять! Твой бывший муж не держит на руках нового ребенка! Ты не понимаешь, как это, когда изнутри все высыхает! Когда ты смотришь на его новую жену, а она молодая, понимаешь, молодая — и все! Ничего больше нет! Пустая как пробка. Но она может быть счастлива, у нее все есть, все, о чем она мечтала в своем Усть-Урюпинске или откуда она там! Какое у нее образование? Заборостроительный? Почему ей все досталось готовенькое? Ей на голову все свалилось! У нее все есть: муж, ребенок, коляска эта долбаная с колесами здоровенными. У нее все, как у всех, и даже лучше. Они поедут в отпуск, потом вызовут домой Деда Мороза, их сын будет читать стишок, а они — засовывать подарки в грязный мешок. И наверняка Рома

Маша Трауб

станет фотографировать, платить, покупать самую здоровенную коробку с самолетом или вертолетом. У нее жизнь удалась! Она смотрит и улыбается в эту чертову камеру, а потом выставляет свои фотографии в соцсети. И он тоже. А я все это вижу. Понимаешь? Не хочу видеть, ничего не хочу о них знать, но они все время у меня перед глазами. Ты скажешь, что я не должна сидеть в соцсетях. Хорошо, не буду. Но если я выхожу в парк и знаю, что на любом повороте могу ее встретить? Если я пойду домой через парк, то они могут выйти мне навстречу. Я привыкла ходить домой через парк. Понимаешь? Я была в этом парке первой. Еще до того, как она появилась. Я ходила по этим дорожкам с Дашкой. Это моя жизнь. Была моя. И почему я должна себя ломать? Почему я должна отказываться от того, к чему привыкла? Я тоже имею право на прогулки по этому гребаному парку, ненавижу его. Слушай, у тебя нет таблетки какой-нибудь? У меня голова раскалывается, сейчас взорвется.

— Лиза, ты что-нибудь ешь? — тихо спросила Полина, доставая из сумки таблетки.

— Что? Я? Не знаю, не помню. Да, ем, конечно. Вот сейчас съем пирожное. Хочешь, при тебе съем? Гадость какая. Даже смотреть противно. Я не отравлюсь? Надо было другое взять.

Вторая жизнь

Лиза брезгливо ковырнула ложечкой в куске самого обычного шоколадного пирожного и бросила ложку на тарелку. Официанты опять обернулись.

— Что?! — почти взвизгнула Лиза. — Унесите эту гадость! И не стыдно такое людям предлагать!

Официантка забрала тарелку и мокрые салфетки.

— Ты будешь еще чай? — спросила Полина.

— Я? Не знаю, — ответила Лиза, с удивлением рассматривая пустую поверхность стола. — Полин, мне плохо. Что мне делать?

Полина знала Лизу с детства. Они вместе выросли — гуляли в одном дворе, ходили в одну группу детского сада, сидели в школе за одной партой. Это была не дружба, хотя они и считались лучшими подружками. Это была стойкая связь, на которую обе были обречены. Они не выбирали друг друга, так сложилось. После школы их пути разошлись, но связь не прерывалась.

Полина была свидетельницей на Лизиной свадьбе и пришла, когда ту выписывали из роддома. Не забывала поздравить подругу с днем рождения и Новым годом. Лиза могла и забыть, но это ничего не значило. Они так дружили с детства — Лиза звала, Полина приходила. Лиза

Маша Трауб

звонила, Полина ехала. Лиза сообщала о новостях, Полина слушала. Когда Полина приглашала подругу в гости — на новоселье или на день рождения, Лиза, как правило, отказывалась. У Полины, которая рано вышла замуж и родила двоих детей, Лизе было тесно. Там всегда толпились родственники, дети кричали, взрослые спорили, пахло на весь дом холодцом, который Полина варила двое суток. А Лиза терпеть не могла запах холодца — ее выворачивало. Полина могла попросить разложить хлеб или заправить салат майонезом, а Лиза ненавидела хлеб в хлебнице, а не на специальной рифленной доске и уж тем более не терпела даже вида майонеза. Лизу раздражали застольные разговоры, дешевое вино, которое разливали женщинам. Полина все чувствовала, поэтому звать подругу перестала. По молчаливой договоренности они или встречались в кафе, или Полина приезжала к Лизе. Полина прекрасно знала, что она единственный человек, которому Лиза может позвонить среди ночи и вызвать к себе. Не попросить приехать, а вызвать. Срочно. А Лиза была уверена, что подруга приедет. Полина по голосу понимала, что стряслось. И знала, что Лиза вряд ли заметит, что из шатенки Полина перекрасилась в блондинку, что поправилась на десять кило-

Вторая жизнь

граммов, что потяжелела в ногах, но это наследственное, в мать, Марию Васильевну.

— Вот, ноги совсем тяжелые стали. Опухают, — пожаловалась Полина.

— Как Мария Васильевна? — спросила Лиза.

Этот вопрос был неизбежен в их беседах. Они были связаны матерями. Это тоже сложилось само собой.

— По судьбе, — говорила Полина.

— Просто они рядом живут, — отвечала Лиза.

Да, жили они рядом, ходили по одной дороге к садику, потом к школе, но детство их было разным. И девочки были разными. У Лизы было то, чего не было у остальных, — красивые платья, цветные колготки, банты, туфельки. И очень красивая кроличья шубка с капюшоном и шапочка, тоже кроличья, с помпончиками. Ее родители были докторами биологических наук. Мама Полины тоже была доктором — участковым терапевтом в местной поликлинике. Работала по четным и нечетным. Ходила по вызовам. Приходила домой и говорила: «Все, я спать». Полина не могла понять, почему доктора такие разные. Но она была послушной, самостоятельной девочкой. И, что важно, независтливой. Ей нравились шубка Лизы и шапочка с помпонами, но она никогда бы не посмела попросить такие у мамы.

Маша Трауб

У Лизы был папа, а у Полины не было. Но она считала, что так тоже надо, и не завидовала. Девочка росла хозяйственной, деловитой, кумовитой — любила дежурить по группе, расставлять тарелки на столах, помогать застилать кровати после тихого часа. Следила, чтобы Лиза не забыла положить шапочку на полочку в шкафчике, и вешала аккуратно сначала Лизину невесомую шубку, а потом свою — коричневую, тяжелую, из искусственного меха, которую нужно было перетягивать на талии мальчиковым ремнем с бляшкой.

Лиза имела в садике больше преимуществ, чем остальные дети, — если она не хотела гулять, ее оставляли с нянечкой в группе, где она могла рисовать, играть одна во все игрушки и расставлять тарелки для полдника. Пока другие дети мокли и мерзли на террасе, прыгали зайчиками под руководством воспитательницы и делали куличики, Лиза сидела в группе и рисовала принцесс. Иногда она просила оставить в группе и Полину, чтобы не было скучно и одиноко, — воспитательница позволяла. Полина была просто счастлива — деловито поливала из большой красной лейки цветы, кормила попугайчика и расставляла аккуратно стульчики. Возилась по хозяйству, пока Лиза, задумчиво глядя в окно, продолжала рисовать принцесс.

Вторая жизнь

Полину в сад мама приводила раньше всех, а забирала последней. Полина не плакала, а сидела на качелях и покорно ждала маму. Иногда она помогала нянечке мыть полы и вешать чистые полотенца. Потом грызла выданный за помощь сухарик, посыпанный сахаром, и была рада лакомству. Она никогда не капризничала, зная, что мама задержалась у пациента, которого надо вылечить. Полина очень гордилась мамой, ведь ее знали все. Здоровались на улице и дарили конфеты на Восьмое марта. Лизу же приводила и отводила в сад специальная женщина. Не бабушка, не мама. Лиза называла ее няней, но Полина не понимала, кто такая няня. Не нянечка, какие бывают в поликлиниках и больницах, не их нянечка, баба Клава, у которой всегда есть вкусные сухари, а няня. Эта женщина была строгой и важной, но Лиза ее не слушалась и могла закатить истерику, отказываясь идти домой. И няня ничего не могла сделать, даже голос повысит. Полина не понимала, как Лиза может не слушаться. Иногда няня забирала их обеих, но делала это без удовольствия и даже с раздражением. Но Лиза могла устроить такой скандал, требуя забрать Полину, что няне приходилось подчиниться. Полина пыталась понравиться этой женщине, но Лиза ей сказала: